



РУКОПИСЬ

Долго смотрел я на свою, увы, дрожащую руку: переплетение морщин — таинственная карта.

Однако к делу. С острова Святой Елены вернулся мой сын... Нехороша фраза. Нет в ней силы, как любил говорить император. Он умел чеканить строку. Его обращения к армии... «красноречие победы»...

Король¹ послал целую делегацию выполнить последнюю волю императора — привезти его тело в Париж. Я не поехал: мне восемьдесят лет, и я вижу все хуже и хуже. Книжки, труд с пером убили мое зрение.

А на остров за гробом отправилась знакомая (но — увы! — прополотая временем) компания — те, кто разделял вместе со мной изгнание императора.

Поехали:

Мой сын.

Гофмейстер двора императора граф Бертран. (Теперь ему под семьдесят. Его белокурая жена Фанни умерла, он поехал с сыном.)

Камердинер императора Луи Маршан. (Я помню его юношей, а нынче он — почтенный буржуа.)

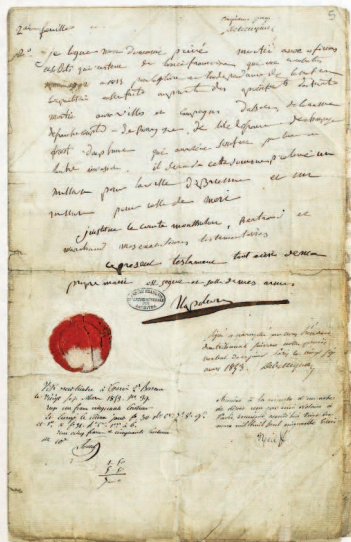
Слуги императора Сен-Дени и Новера — повар и конюх.

Генерал Гурго. Этот несносный человек сохранил свой отвратительный характер и в долгом плавании сумел перессориться со всеми.

Не поехали:

Я.

Граф Монтолон. Говорят, что за какие-то девять лет он промотал полтора миллиона франков. Буквально за несколько месяцев до по-




Завещание Наполеона

¹ Луи Филипп.







 Никола Морин. Открытие гроба Наполеона .15 октября
 1840 г. 1840

ездки он поступил на службу к племяннику императора¹. Монтолон умудрился возглавить экспедицию, которая должна была свергнуть короля и возвести на трон Луи Наполеона. Эти идиоты решили повторить подвиг покойного императора. Но великий побег с острова Эльба превратился в жалкую комедию. В их заговоре, конечно же, участвовали агенты короля, и когда простаки высадились в Булони, их уже ждали. Графа Монтолона осудили на двадцать лет.

Врачи, лечившие императора, О'Мира и Антомарки. Оба этих лекаря весьма поспешно последовали на тот свет за знаменитым пациентом. Мне хочется написать — слишком поспешно...

На острове императора похоронили, как он того желал – подле родника с чистой водой, текущего мимо двух ив, на небольшой полянке, заросшей цветами. Место называлось «Долина герани».

Хорошо помню, как он впервые увидел это место с вершины оврага. И, усмехнувшись, сказал мне: «Здесь меня следует похоронить». Это случилось месяца через три после нашего приезда. Он тогда был отменно здоров, в расцвете сил – ведь ему не было и пятидесяти... Так что я только улыбнулся.

¹ Луи Наполеон, ставший после смерти Римского короля (сына Наполеона) наследником династии Бонапартов.



Феликс Фелиппото. Возвращение праха Наполеона I с острова Святой Елены.
14 декабря 1840 года. 1867

Но там его и похоронили. Там он и лежал почти двадцать лет и ждал, пока за ним приедут из Парижа. Ждал под безымянной плитой, которую охраняли английские солдаты.

Я не видел ни похорон, ни могилы. Император умер после того, как меня увезли с острова.

Сын рассказывал мне: когда подняли безымянную плиту, под нею оказались еще несколько тяжелых плит (две были отлиты из металла). Император покоился в четырех гробах, заключенных друг в друга. Так англичане стерегли его после смерти...

Наконец открыли последний гроб. В истлевшей одежде, покрытый истлевшим синим плащом с серебряным шитьем (в нем он был при Маренго), император лежал совершенно... живой. Он был таинственно не тронут тлением!

И Бертран воскликнул:

– Как он помолодел... юноша!





— Просто мы стали стариками, — ответил Маршан, — а император все такой же.

— Нет, — шептал Бертран, — он отчего-то не подвергся тлению. А ведь его не бальзамировали...

— Он всегда побеждал, — сказал Маршан. — Победил и тление. Фраза слишком патетичная для бывшего камердинера. Я услышал в ней голос императора.

После чего Маршан вынул бумагу и прочел несложные и странные строки:

— Император завещал передать вам: он всегда знал, что вернется в свой город, и Париж еще услышит знакомое: «Да здравствует император!»

Мой сын сказал, что все это было написано... рукой самого императора! И тогда вся компания прокричала над открытым гробом:

— Да здравствует император!

Теперь я уверен: Маршан всё знал. И император знал, что не подвергнется тлению...

Я пошел встречать его гроб, когда он прибыл во Францию, хотя сын отговаривал — декабрь, ледяной ветер... Я стоял в толпе. И в меркнувшем свете (мои глаза!) неясно видел, как гроб, покрытый черным покрывалом, плыл в воздухе, качался на фоне парусов.

Император вернулся.

Я сильно простудился. Встану ли?..

Открываю записную книжку и в который раз перечитываю старые записи.

Его тайна...

25 ноября 1816 года я в последний раз видел императора.

В ту ночь, вопреки обыкновению, он отпустил меня рано. Я тотчас уснул, но посреди ночи проснулся от ужасающего грохота. Выбили дверь. Ворвались. Зажгли свечи... Солдаты побросали мои вещи в сундуки.

Как я боялся вмешательства императора! У его постели всегда стояло заряженное ружье. Но из спальни



Посмертная маска Наполеона





—♦♦♦—
Эдуар Пингфе. Портрет генерала де Монтолона. XIX век

не донеслось ни звука. Неужели он не проснулся? Какое счастье!

Меня вывели в ночь. И в окне я увидел... лицо императора! Освещенный свечой — ее держал Маршан — император совершенно спокойно смотрел, как меня уводили.

Только теперь я понимаю: он этого хотел. Ведь вместе со мной на волю уходило все, что он рассказал мне...

Через час я сидел в маленькой камере. Утром пришел губернатор. Говорят, доктор О'Мира рассказал ему о слабом здоровье моего сына — просил не высылать меня. Губернатор ответил: «Что значит для большой политики смерть одного ребенка!»

Губернатор проследовал в камеру. Потрясая моим (перехваченным) письмом, он кричал, что предупреждал меня не писать клевету на него и английскую королеву, прославляя преступника — «генерала Бонапарта» (так он называл императора). Я тотчас предупредил, что хотя сейчас, к его счастью, я безоружен, но — клянусь честью Лас-Казов! — впоследствии отыщу его хоть на дне морском. И он мне ответит — мы будем драться!.. Жалкий трус пытался расхохотаться, но по лицу было видно — испуган.

Потом меня посадили на корабль, идущий до мыса Доброй Надежды. Я заболел тропической лихорадкой, несколько месяцев провалялся в госпитале. Но Господь помог мне. Вопреки приказу губернатора, меня с сыном отправили в Лондон. Мои бумаги были опечатаны и лежали в каюте капитана. В Лондоне их отобрали. Но кое-что я сумел спрятать...

Через много лет я вернул все свои бумаги. И написал книгу, которая стала знаменитой. Я составил ее из записей, которые продиктовал мне император. Величайшие умы нашего времени признают, что во многом благодаря





этой книге он вновь стал кумиром просвещенной Европы.

И вот вчера вернулся на родину и его прах. Но только теперь, вспоминая все, перечитывая заново свои бумаги, я догадался... Я не понимал главного! Все мы — я, его свита, охранники, губернатор и даже сам остров, на который его сослали, — были лишь жалкими марионетками в игре императора. Точнее — в его последнем сражении, которое он выиграл при нашей общей помощи.

Да, я часто перечитываю его слова... И все, что произошло, представляется мне совсем в ином свете.

И его смерть — тоже.

О себе. Я — Эмманюэль Огюст Дьедонне Мариус Жозеф маркиз де Лас-Каз. Еще в XI веке мой предок прославился в сражениях с маврами. Я появился на Божий свет в родовом замке Лас-Казов в департаменте Верхняя Гаронна.

Судьба будто направляла нас друг к другу. Я учился в том же Парижском военном училище, которое четырьмя годами позже окончил император. Я был морским офицером, когда познакомился на Мартинике с Жозефиной де Богарне (тогда ее звали Мари Жозе-Роз Таше де ля Пажери). Креолка... она — само желание, маленькая богиня... Потом судьба разбросала нас.

После революции я эмигрировал, был в армии принца Конде, сражавшейся против Республики. И только при императоре получил возможность вернуться во Францию. Тогда я и узнал обо всех событиях бурной жизни моей хорошей знакомой. Оказалось, она пере-



Портрет графа де Лас-Каз.
Гравюра. Сер. XIX века



Жан-Батист Мозес. Портрет
Луи-Жозефа Маршана. Ок. 1840



Уильям Орфордсон. Наполеон диктует мемуары Лас-Казу. 1892

ехала в Париж, где вышла замуж за виконта де Богарне, впоследствии генерала революции (и, конечно же, гильотинированного той же революцией). Креолку спасло только падение Робеспьера. Ну а далее, как известно, она стала женой генерала Бонапарта и, наконец, императрицей французов.

Благодаря Жозефине (во-вторых) и собственным достоинствам (надеюсь, во-первых), я сделал карьеру в империи: получил графский титул, пост камергера и успешно исполнил ряд секретных дипломатических поручений. Но главное – стал автором «Исторического и географического Атласа», весьма популярного в Европе.

В окружении императора я появился после его возвращения с Эльбы, во время великих Ста дней, «когда орел вновь распротер крылья над Францией» (его фраза). Но только после Ватерлоо, в дни отречения, я оказался рядом с императором. И вместе с ним отправился на Святую Елену.

Я пробыл там почти год, и все это время непрерывно вел записи под диктовку императора. Порой мы работали по шестнадцать часов в сутки... пока не наступил тот самый день – 25 ноября 1816 года.

Лицо императора, освещенное свечой в окне... оно исчезает в ночи. Скоро, скоро оно исчезнет вместе со мной.



ОБЫЧНЫЙ ВЕЧЕР

Первый раз догадка о его тайне мелькнула уже на острове. В тот вечер мы ужинали как всегда в восемь. И вначале все шло как заведено. Это был самый обычный вечер. Я описал его тогда же в своих записях.

Перед ужином он позвал меня в кабинет — маленькую комнатку. В доме их два десятка, в них живет полсотни человек. Слуги ютятся и в чердачных помещениях.

На месте дома когда-то был скотный двор. Целых полстолетия здесь мирно обитали домашние животные. И только недавно его превратили в жилище, настелив доски поверх свиных экскрементов. Сегодня утром прошел дождь и из-под досок особенно несет навозом. Это напоминает о прошлом дома... В другие дни запах менее силен, но постоянен.

На нашей проклятой скале всегда сыро — мы живем среди вечных туч. Когда внизу над долинами сияет солнце, здесь идут дожди. Книги и мои записи постоянно покрываются плесенью.

Но он, император-солдат, живший в палатке на бивуаках, не снимавший во время маршей по несколько дней сапог, будто не замечает ничтожества своего нынешнего жилища... Нет, не так: замечает, но не страдает.

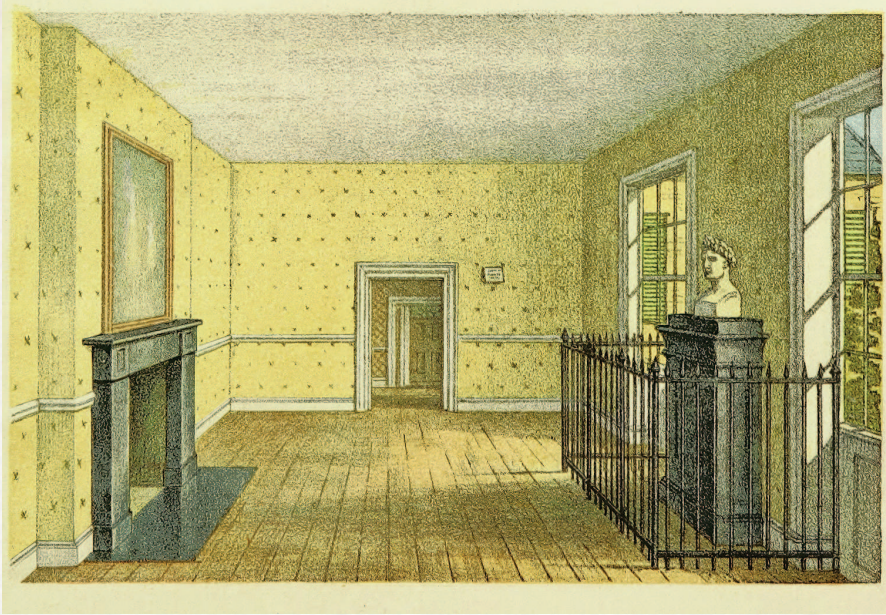
Страдаем мы.

Император занимает две комнатки по двенадцать метров с низенькими потолками. Здесь его кабинет и спальня.



Неизвестный художник. Портрет Наполеона. 1820





—><—
Комната, в которой умер Наполеон. Гравюра. Сер. XIX века

В кабинете на жалких обоях — портреты Марии-Луизы, Жозефины и сына в столь нелепых здесь великолепных рамах из Тюильри. И огромный стол, занимающий почти всю комнату.

— Садитесь, — сказал мне милостиво император. — Сегодня после ужина я хочу прочесть в салоне вольтеровскую «Заиру».

Обычно после ужина он развлекает нас чтением своих любимых произведений. Но (тоже как обычно) пьеса куда-то запропастилась. Вещи как-то умудряются теряться в этой крохотной комнатухе!

Император беспомощно ищет пьесу на столе, на стульях, даже на полу, подслеповато роется в бесконечных бумагах. Приподнимает карты собственных походов и походов Цезаря. Ворошит кипу страниц, записанных мною под его диктовку...

И тут я впервые замечаю: буквально в последние дни император начал стремительно (и загадочно) дряхлеть...



